

ОЛЬГА КУНЬЯ

ШЕСТОЙ ОКЕАН

сборник рассказов

16+

Ольга Кунья

Сборник рассказов «Шестой океан»

<https://litres.ru/73931766>

SelfPub; 2026

Аннотация

В этом мире люди одалживают друг другу руки, глаза и души, спорят с Богом, теряют собак, боятся не успеть пожить и пытаются не утонуть в собственном одиночестве.

Странные, смешные, жалкие и до боли настоящие люди. Как и мы, они отчаянно пытаются остаться людьми, даже когда мир вокруг давно сошел с ума.

«Шестой океан» — сборник абсурдных, трогательных и тревожно смешных рассказов Ольги Кунья о человеческой душе и вере.

Содержание

Собачий хвост	4
Душа с напёрсток	17
Око за око	23
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Ольга Кунья

Сборник рассказов

«Шестой океан»

Собачий хвост

Собака Антона Чешина пропала восемь дней назад.

Всё это время мужчина с лицом вишни и подростковыми усами просидел на старом низком диване, доставшемся ему от бабушки. Красные глаза с утра и до поздней ночи смотрели на экран нового телевизора, купленного в день пропажи.

Антон Чешин и сам готов был возмутиться своему безответственному сидению на диване, но поиски Тиска в миллионном городе, даже по мнению человека с одним средним образованием, скорее всего, не принесли бы успеха. И потому Антон Чешин купил телевизор и заказал рекламу в прайм-тайме главных новостей города.

— Пропал пёс по кличке Тисок, — перебирая дрожащие пальцы, хрипло диктовал Антон. — Чёрная беспородная собака с длинным носом и белым пятном на хвосте в виде буквы С.

Редактор службы новостей неохотно записал нужные слова, находясь под давлением Тамары Андреевны из отдела

продаж.

— Давайте ещё добавим “за вознаграждение”, — Тамара Андреевна смотрела горящими глазами. — Это будет дороже, и на вознаграждение придётся потратиться, но собака того стоит.

Внутри засверлило знакомой тревогой. Лишь бы хватило денег.

— Конечно, — ответил Антон, — Вам лучше знать.

Получая накопленные Антоном Чешиным за несколько лет средства, Тамара Андреевна улыбалась во все тридцать белых и один золотой зуб. Брезгливо пересчитав смятые купюры, Тамара Андреевна выпроводила Антона Чешина из редакции после трёх кружек чая с обещанием дать новости в прямой эфир уже этим вечером.

Реклама на телевидении была заоблачно дорогой, но Тисок был дороже, чем мотоблок, который должен был появиться на даче бедолаги этим летом. Антон Чешин ехал на пятьдесят третьем автобусе, стараясь не поддаваться хандре о несбывшемся мотоблоке.

Спустя неделю без сна и совершенного отчаяния то ли от злости на редактора, то ли от злости на собственную нерешительность оторваться от телевизора, рано утром Антон Чешин отчаянно ринул к выходу из квартиры, пропахшей селёдкой.

Обматывая шарфом заостенелую шею, Антон Чешин был настроен разнести редакцию к чертям. Его настрой про-

пал в ту же минуту, как открылась входная дверь.

На пороге лежали три стопки газет, главную полосу которой украшала непропорционально растянутая фотография Тиска.

Чихая от слёз, навернувшихся при виде Тиска, Антон Чешин неуклюже и с давящей болью в спине занёс стопки газет в дом. Нижняя пачка, видимо промокшая от дождя, была самой тяжёлой.

Под джутовой верёвкой нижней стопки лежала маленькая записка с пометкой “А.Чешину от редакции”.

“Дорогой Антоша.

Вышло недоразумение, но оно, по моему профессиональному мнению, даже к лучшему. Пришлось поставить рекламу кур в прайм-тайм новостей. А вам мы отдали главную полосу газеты. Да ещё и напечатали дополнительных двести экземпляров за ваш бюджет. Газета выйдет в четверг, так что ждите. Дала ваш номер телефона, чтобы нам не звонили. Приходите в понедельник подписать акт выполненных работ.

С уважением,

Тамара”

Антон ещё раз бросил мокрый взгляд на газеты.

— Газеты читают чаще, — утвердительно пролепетал он.
— Они правы, так лучше.

Глядя на стопки газет, Антон разрывался от нерешительности: он готов был идти на поиски Тиска, несмотря на ужас-

но холодный морозящий дождь, но звонки после выпуска газеты должны были вот-вот начать поступать.

Зелёный табурет рядом со старым стационарным телефоном заставлял Антона ёрзать на месте. Глядя в зеркало шкафа, Антон Чешин и сам себе казался жалким. Припухшие красные глаза и сутулая осанка добавляли ему не меньше лет десяти к возрасту.

Первый телефонный звонок раздался оглушающим радостным знаменiem по всему дому.

Антон подпрыгнул, схватил трубку и воодушевлённо ответил:

— Слушаю.

— Антон, — из трубки полетели бранные слова. — Ты на работу собираешься, (бранное слово). Я дал неделю, а уже сколько прошло, (бранное слово)? У меня на твою должность кандидатов пруд пруди, (бранное слово). Завтра не выйдешь, я тебе уши оторву.

Рука Антона невольно потянулась к ушам. Он, конечно, знал, что уши ему никто не оторвёт, но и шутить с начальством он не хотел.

Иван был большим начальником автомойки уже двадцать три года и часто угрожал Антону что-нибудь оторвать. Но Антон знал, что Иван очень ценит его работу. На протяжении последних десяти лет Антон то и дело собирался уволиться с автомойки по причинам задержек выплат и переработок, но Иван всегда находил нужные слова, чтобы Антон

остался и потерпел.

“Мы же как семья”, — обычно приговаривал Иван, хлопая Антона по плечу.

— У меня просто собака

— Да я твою собаку, (бранное слово). Вон за гаражом этих шавок, (бранное слово). Завтра на работу! Совсем уже распустился, (бранное слово), (бранное слово), (бранное слово).

— Вы меня извините, — начал было Антон, но телефонные гудки перебили его оправдания.

Антон положил трубку и решительно посмотрел в зеркало.

— Надо найти Тиска сегодня!

Спустя двадцать минут сидения всё на том же неудобном стуле, телефон вновь зазвенел.

— Алло, я видела вашу собаку на набережной, — сказал бархатный женский голос, — а вознаграждение большое?

— Тысяча рублей, — ответил Антон.

— А-а-а-а, ну понятно, — зевнули в трубку, — Я меньше чем за пять тысяч искать её не пойду.

— Тогда пять тысяч, — Антон пожал плечами.

— Давайте я покажу вам на карте, где видела, а вы сами поищите, — воодушевилась девушка. — Мне просто будет неудобно. У вас есть мобильный телефон? Я отправлю вам локацию и номер карты.

— Хорошо, — Антон собрался с мужеством и добавил, — но я переведу вам деньги, когда собаку найду.

— Вот вы шарлатан, — буркнул голос в трубке, — То есть я вам локацию отправляю и должна поверить. Так дела не делаются. Несерьёзно вы подходите к поиску собаки.

В телефоне опять раздались гудки.

В чём-то она была права, подумалось Антону Чешину. Он и правда не очень-то серьёзно относился к поискам Тиска. Мог бы ещё неделю назад разгромить редакцию, а вместо этого сидел на диване.

Не прошло и минуты, как телефон разорвался вновь оглушающим звоном.

— Вы где? — ещё один женский голос, но уже потрепанный жизнью и опытом, раздался в трубке. — Пять раз вам позвонила.

— Вы по поводу собаки? — спросил Антон с надеждой в голосе.

— Да, — скрипя зубами сказала женщина. — У моей суки щенки родились. Один похож на вашего. Возьмёте? За две тысячи?

Антон опешил.

— Я вам скину до тысячи пятиста рублей, — сказала женщина, — в связи с вашим горем.

— Каким? — несвязно спросил Антон.

— Ну если не нашли собаку ещё, так значит всё она кранты. Под колёса, небось попала. Или другие загрызли. У нас мальчишки в прошлом месяце палки кидали в собак. Может и вашей прилетело.

Ком в горле Антона застрял, не позволяя сказать больше ни слова.

— Через неделю приходите на Бауманскую 4. Спросите Марию. И приносите тысячу пятьсот маленькими купюрами. Антон кивнул, подавившись слюной.

— Со связью что-то, — голос превратился в крик. — Через неделю жду! Отключаюсь.

Ещё двадцать звонков Антон не мог присесть. Звонили сообщить про белую собаку с чёрной буквой С на хвосте. Звонили из церкви и магазина на диване. Звонила старая знакомая узнать, как дела. Звонили, судя по всему, какие-то дети и гавкали в трубку.

Антон уже отчаялся и даже пропустил несколько звонков, прежде чем из телефона раздался басистый голос:

— Я вашу собаку нашёл, куда приехать?

Антон тут же продиктовал адрес, запрыгав от счастья как ребёнок.

— Буду через полчаса, — закричал мужчина. — Уже еду. Накиньте сверху ещё рублей пятьсот на бензин.

В момент, когда Антон слышал знакомые слова, он уже не жалел ни о потраченных деньгах, ни о потраченном времени.

Антон уже мысленно представлял, как устроит Тиску настоящий праздник возвращения домой. На радостях он умылся, сменил свитер и перетряхнул лежанку Тиска на балконе.

Приглушённый звук домофона заставил сердце трепетать, как трепещут бабочки в банке. Выглядывая из-за двери, Антон слышал тяжёлые шаги.

Пузатый мужчина с громкой одышкой и в потёртых спортивных штанах медленно поднимался по лестнице, держась за перила.

— Вы собаку ищете? — протянул запыхавшийся голос.

Антон кивнул.

— Вот, держите, — мужчина протянул Антону собачий хвост и, протолкнувшись в квартиру, сел на табурет.

Антон с недоумением держал в руках чёрный пушистый обрубок с буквой С, но раза в три больше, чем у Тиска.

— Это не мой, — сказал Антон Чешин, уперевшись взглядом в мужчину.

— Да как же не ваш, — ухмыльнулся гость, — один в один ваш.

— У меня Тисок совсем маленький.

— Так и хвост не от овчарки, — противостоял мужчина.

— Я свою собаку знаю, — голос Антона становился всё тише.

— Да вот же, посмотрите.

Мужчина выхватил собачий хвост из рук Антона и приложил к газете. Хвост идеально совпадал с напечатанной в газете огромной фотографией Тиска.

— Они напечатали не так, — глаза Антона досадно опустились на пол. — Больше, чем на самом деле.

— А это разве мои проблемы? — мужчина встал с табурета.

Сейчас он казался Антону особенно огромным и тяжёлым.

— Всё совпадает, — добавил мужчина. — Я вашу собаку нашёл? Нашёл. Привёз через весь город? Привёз. Ещё и припарковался у пруда, оттуда идти минут десять. Вы людей не обманывайте!

— Я вам покажу фотографию Тиска, — Антону пришла отличная идея. — Я я сейчас принесу.

— Некогда мне, — мужчина всунул хвост обратно в руки Антона и вышел за дверь. — Вознаграждение давайте. Не заставляйте меня нервничать. У меня и так вон, сердце еле работает. А я к вам такой путь с вашей собакой.

Антон посмотрел на хвост, так похожий на тот, что напечатали в газете. На секунду он и сам усомнился в том, а были Тисок меньше, чем этот хвост.

— Ну спешу же я, — протянул мужчина.

Антон достал пять тысяч из кармана куртки и протянул мужчине с опущенным взглядом.

— Спасибо, — добавил он тихо.

— А пятьсот рублей?

— Да, да, извините.

Антон достал ещё одну купюру.

— Соболезную, — сказал мужчина и начал спускаться по лестнице.

Антон медленно закрыл дверь и сел на табурет.

Он аккуратно положил собачий хвост на комод рядом с телефоном. Ему очень хотелось, чтобы хвост вдруг ожил, зала-ял по всему дому, мешая соседям жить их интересные жизни.

У всех соседей был кто-то, кто ждал их дома. И у Анто-на Чешина был Тисок, который ждал его каждый день с ав-томойки. А сейчас от Тиска остался только несоразмерный хвост и тяжёлый камень на душе.

Тисок был единственным, кто любил его независимо от того, в каком свитере сегодня был Антон и сколько денег он принёс домой. Тисок лизал его уши, даже когда Антон ругался или совсем молчал. Тисок был готов гулять в любое время, есть в любое время и идти спать в любое время. Он был единственным, кто не заставлял Антона делать и думать то, что ему на самом деле не хотелось.

Прокручивая все эти мысли в голове бесконечной вере-ницей любви и печали, что-то внутри Антона лопнуло.

— Это не Тисок! — вскрикнул Антон и рванул на улицу с хвостом в руках.

— Это не Тисок! — кричал он, мчась в сторону пруда в надежде, что мужчина всё ещё переваливается в направлении к припаркованной машине.

— Это не Тисок! — Антон начал размахивать собачим хвостом над головой. — Не Тисок!

Парковка у пруда была пустой.

— Это не Тисок, — разочарованно сказал Антон Чешин.

Только добравшись до парковки, Антон понял, что на улице уже стемнело, пока он, бог знает сколько, смотрел на собачий хвост.

Дрожа от холода, Антон Чешин скользил по промоклому асфальту обратно домой. Он так и не решился выбросить хвост в мусорку.

Прохожие, укутанные в куртки и шарфы, смотрели с сожалением и интересом на бедолагу с собачьим хвостом в руках.

— Здравствуйте, — послышался чей-то голос у подъезда. Антон обернулся.

В красном дождевике стояла женщина примерно его возраста, выглядывая из-за промокших линз очков.

— А вы случайно собаку не ищете? — спросила женщина.

Антон не нашёл, что ответить. Лишь поднял промокший хвост, протягивая женщине.

— Так это вы, — воодушевилась женщина. — Я вашу собаку нашла.

Антон готов был впервые за всю свою жизнь выдать бранную речь о том, как нехорошо поступают люди с чужим горем, как это низко и мерзко зарабатывать на чувствах других людей, но из-под красного дождевика выглянула знакомая морда.

— Гав, — засуетился Тисок, узнав знакомое лицо.

— Тисок! — Антон бросился к женщине, но остановился

в нескольких сантиметрах от неё. — Тисо-о-к.

— Я только сегодня в газете увидела, — сказала женщина, прикрывая Тиска дождевиком, — Он уже неделю у меня. Я одна живу, мне только в радость. Но я бы знала, я бы раньше принесла.

Антон не мог насмотреться на Тиска.

— Пойдёмте, я занесу.

— Да я сам, — наконец выдал Антон.

— Ну нет, что вы, — улыбнулась женщина и покраснела.

— Я занесу внутрь.

— А-а-а-а, — наконец понял Антон. — Вознаграждение. Конечно, идёмте.

— Ну что вы, — обиделась женщина и покраснела ещё больше. — Мне не нужно. Тут просто дождь, а Тисок такой маленький. Да и вы промокли.

— Нет, нет, — начал заикаться Антон, — я вам заплачу. Идёмте. Давайте возьму Тиска.

— Может, лучше в подъезде, чтоб не под дождём?

— Да, да, идёмте.

— Меня Галя зовут, — заходя в дом, добавила женщина.

— А я Антон, — впервые больше чем за неделю улыбнулся Антон. — А это Тисок.

— А я знаю. — Женщина достала Тиска из-под дождевика и протянула Антону. — Держите.

Тисок быстро перепрыгнул на руки Антона и начал лизать хозяина, чуть попискивая.

— Я пойду, — сказала женщина. — Только можно я приходить буду. К Тиску?

— Ой, вознаграждение! — Антон ринулся вверх.

— Не надо, — с грустью в голосе добавила женщина. — Я так хорошо время провела. Я бы Тиска себе оставила. Но раз хозяин нашёлся Я, знаете что, я могу с ним гулять.

— Гулять? Да. Гулять можно.

— Тогда завтра? — женщина открыла дверь, и барабанная дробь дождя заполнила тишину подъезда.

— Можем сегодня, — чуть помедлив, сказал Антон. — После дождя. А пока, может, чая?

Женщина ещё раз бросила взгляд на улицу и кивнула.

— Неплохо бы. — Она закрыла дверь. — В такую погоду хороший хозяин собаку на улицу не выгонит.

Душа с напёрсток

Артемий родился очень крупным ребёнком, но с очень маленькой душой.

И пока бабка причитала, сидя на печи, гости во все сорок один глаз смотрели на малыша с ангельским лицом и душой с напёрсток.

— Нечего глазеть, — гаркнул дед, потирая костыль в месте колена и харкаясь после выкуренной сигареты.

Гости притихли. Как-никак Павел Семёнович был в деревне уважаемым человеком, имел свою лошадь и награду от страны за потерянную ногу.

Оперевшись на обшарпанный бархатный диван, дед встал и важно прошёл к люльке с малодушным новорождённым.

— Мы из тебя сделаем человека! — закричал дед. — С огромнейшей душой.

Артемий дёрнул деда за бороду.

— Согласен, получается.

Артемий рос, мать с отцом работали с утра до вечера на ферме, а дед с бабкой тихо умирали на заре своей благословенной жизни.

В девять лет Артемий смотрел, как деда опускают в землю под стоны бабки и причитания мамки. А зеваки на похоронах во все двести два глаза глядели, что душа Артемия ни на грамм не стала больше, чем напёрсток, как бы усопший

Павел Семёнович ни старался.

Без деда дела стали совсем плохи и, кажется, душа Артемия стала ещё меньше.

В четырнадцать лет мать с отцом и восемью ртами, но уже без бабки, сели за один стол с Артемием. Восемнадцать глаз смотрели в стол и на затвердевшие мозолистые руки, а глаза матери горели необычайным холодом, которого Артемий ещё не видел.

— Стыдоба, — сказала мать и тяжело вздохнула. — Столько лет, а душа не выросла. Убирайся вон.

Головы семейства опустились ещё ниже.

Ничего не оставалось. Артемий встал и вышел за дверь.

Не было у него ни сожаления, ни злости: такие чувства душа с напёрсток вместить не может. Но когда младшая сестричка Алёнка пришла к Артемию с кульком хлеба и отдала ему золотую монету, украденную в церкви, что-то в его маленькой душонке встрепенулось.

— Показалось, — пожал Артемий плечами. — Прощай, Алёнка. Не поминай лихом.

— Ты возвращайся, — скудно всплакнула сестра. — Если душа твоя станет побольше, приходи. Мамка с папкой тебя обратно примут.

Кивнул Артемий и пошёл, куда глаза глядят.

Долго шёл Артемий, стаптывая единственные галоши. Многих повстречал и поспрашал, но никто так ему и не сказал, как душу с напёрсток превратить в бездонный колодец,

наполненный до краёв родниковой водой.

— Дурачи-и-ина, — со всей злости Артемий пнул пень, на котором собирался отдохнуть. — Наобещал с три короба и помер.

Сел Артемий на злополучный пень и начал ругать деда так, что свет не видывал. За то, что пообещал он из Артемия человека сделать, что оставил его одного никому ненужного и что своей душой не поделился, когда помер.

В целом, Артемий глупым человеком не был, знал математику и книги начал читать. Но со злости во что только не поверишь: в том числе и в то, что душу можно передать по наследству.

— Ну я до тебя доберусь, — разозлился Артемий до посинения лица. — Ты мне ещё отдашь то, что мне причитается.

Недолго думая, взял Артемий камень, что лежал поодаль, тот, что почище и размером со страусиное яйцо. Замахнулся правой рукой и со всей дури ударил себя камнем прямо в висок.

Ударил и упал.

Безжизненно и бездыханно.

Очнулся Артемий за полночь. Темнота, хоть глаз выколи. Голова болит и припухла с правого бока. Кажется, даже глаз заплыл.

Потёр Артемий правый висок. Прищурился. Ничего. Ни звёзд с луной, ни единого огонька в отдалённой деревне. Но хоть волки не воют.

— Всё из-за тебя, — крикнул Артемий в темноту и горько заплакал.

Не успел Артемий уткнуться в колени, чтобы прорыдаться от всей души, как услышал знакомое кряхтение рядом.

— Эй, — вскочил Артемий с кулаками наготове. — Кто здесь? Покажись немедленно!

— Да я это, — проворчал дедов голос. — Успокойся и сядь, а то ещё потеряемся.

Испугался Артемий, задрожал, да от испуга обратно на пень и сел.

— Божья мать, защити, — руки Артемия сами креститься начали, а тело из стороны в сторону закачалось. — Отче наш, иже еси

— Бесполезно, — вздохнул дед. — Они здесь не слышат.

— Где здесь? — не переставая креститься, спросил Артемий.

Молчал дед, лишь чем-то шуршал в потёмках.

— Где здесь, дед? — злость начала охватывать Артемия с новой силой.

Вспомнил он, зачем к деду собирался. Ещё больше злиться начал, что аж печёнку скрутило.

— Да не ори, — приказал дед в генеральской манере. — Не знаю где. Знаю, что все, кто сразу в рай не попал, суда Божьего ждут. А таких нынче много, очередь огромная.

Замер Артемий. И заплакал.

Но не от того, что суда Божьего ждёт, а потому что жаль

ему стало, что он так глупо распрощался со своей жизнью: теперь-то у него кроме души с напёрсток совсем ничего не осталось.

Молчал Артемий.

Молчал и дед.

— А ты почему в рай не попал? — спросил Артемий, когда всю злость внутри перекрутил и скучать начал. — Ты уж точно плохого не заслужил.

— Я? — дед набрался смелости. — За то, что бабке твоей поверил, что душа у тебя с напёрсток. Она-то уже давно в котле варится, а со мной не решено.

— Это как? — снова вскочил Артемий, и снова с кулаками наготове.

— Так её сразу туда, в котёл.

— Не про неё я. — голос Артемия дрожал. — Как это поверил, что душа у меня с напёрсток?

— А-а-а-а, это, — усмехнулся дед. — Да у нас у всех души огромные с рождения. Но вот сказали тебе, что душа у тебя маленькая, я поверил, ты поверил, все поверили. Так с этой верой и живём.

— То есть душа у меня, — начал запинаться Артемий, — душа у меня не маленькая. Не маленькая, а большая?

Дед молчал.

— Дед, — слова эхом разлетелись в пустоте, — дед, душа-то у меня большая?

И сколько ни кричал Артемий, сколько ни звал деда, от-

вета так и не пришло.

Проснулся Артемий утром на том же месте, с кровавым камнем в руках и огромнейшей душой.

— Так душа-то у меня огромная, — пробурчал Артемий с улыбкой. — Я такой ни у кого ещё не видел.

Око за око

Фёдор пыхтел у своего компьютера, пытаясь напечатать одной рукой статью про местного писателя. Тот недавно умер, так и не опубликовав ни одну из своих великих книг.

Несколько недель Фёдор провёл за чтением сальных рукописей, которые многие считали фантазиями пьяного писаки. Разобрать закорючки давалось сложно, и Фёдор всё больше гадал, как много пил писатель.

Будучи воспитанным праведной бабушкой, Фёдор давно уже не испытывал злости и тревоги, ибо на всё воля Божья. Он с выдержкой и терпением сидел по ночам в своей крохотной квартирке, разбирая написанное.

Но сегодня, когда ему кровь из носа нужно сдать главреду статью на целых два разворота, у него осталась одна рука. И от этого у Фёдора дёргался правый глаз.

— Что? Опять? — фыркнула Наталья Борисовна, заходя в кабинет и заноса с собой сладкий запах корицы.

Кабинетом, конечно, бывшую кладовку назвать было сложно. Наталья Борисовна с её любовью к булочкам на завтрак и ужин почти не могла развернуться в проходе и каждый раз задевала компьютер Фёдора то одним боком, то другим.

Она аккуратно подвинула стол Фёдора ещё на один сантиметр.

— Федь, ну в конце-то концов, — Наталья всплеснула руками и обронила наполовину пустой стакан с водой, — тебя же используют.

Федя вздохнул и криво улыбнулся.

— Там просто такое дело, — не отрывая глаз от экрана, щебетал Федя, — Антон не успел вчера вернуть мне руку. Но он мне звонил минут десять назад, сказал, что вернёт сразу, как в офис придёт.

— Ага, — Наталья Борисовна протиснулась в кресло, — он тебе так же в прошлый раз ухо возвращал.

— Ну-у-у, — Фёдор пожал плечами, — у него тогда была ситуация.

— Это какая такая ситуация? — Наталья Борисовна стукнула кулаком по столу.

От неожиданности Фёдор подскочил на стуле и уставился на Наталью Борисовну.

Сама Наталья Борисовна уже давно никому ничего не давала в долг. В последний раз ей вернули ноги с вывихнутым коленом. С тех пор боль в колене в дождливое время и выюги напоминает Наталье Борисовне о том, как наивна и глупа она была, одалживая другим то ногу, то руку, то сердце.

— Федя, — руки Натальи Борисовны упёрлись в бока, — этот проходимец Антон в прошлый раз на шашлыки уехал. И с друзьями соревновался, кто дольше на ушах провисит. И не свои кровные он использовал.

Федя сглотнул, но глаз от Натальи Борисовны не отвёл.

— Это наврали про него конкуренты, — Федя старался говорить мягко, — Даниил его недолюбливает.

Злость на лице Натальи Борисовны была выразительнее любой картины, которую Фёдор когда-либо видел.

— Федь, ну тебе ж уже не двадцать лет.

— Двадцать пять.

— Ну-у-у, — протянула Наталья Борисовна, — я про это же и говорю. В двадцать пять уже пора мозгами пораскинуть. Ты месяц назад давал Михаилу на день нос, так он вернул тебе его спустя неделю, да ещё и сопливый. А Наташке с третьего этажа три зуба на свадьбу давал? Она тебе два вернула, и те нечищенные.

Фёдор поджал губы.

— Ленка-секретарша язык занимала, так ты до сих пор оправдываешься, что не ты всё разболтал. Назови мне хоть одного человека в редакции, кто твоей добротой не воспользовался.

От высказанной тирады Наталья Борисовна покраснела и начала тяжело дышать.

— Кроме меня, конечно, — добавила она, отдышавшись.

— Наталья Борисовна, — Фёдор говорил почти под нос, — никто мной не пользуется. Им просто помощь нужна. А в нашем мире разве кто поможет просто так. Добрее ж надо к людям.

— Добрее надо, когда и они к тебе добрее, а не когда ноги о тебя вытирают.

— Ну придумываете же вы, Наталья Борисовна, — Фёдор сделал улыбку пошире и вернулся к экрану компьютера, — меня на этой работе ценят. Целых два разворота дали для моей собственной статьи.

— Спустия семь лет работы, Федь.

— Ну это ж я сам виноват, что раньше приносил идеи не такие хорошие, — Фёдор продолжал печатать левой рукой, цитируя усопшего писателя, — а вот сейчас я созрел и принёс такую статью, что все журналисты обзавидуются.

Наталья Борисовна с хрипом вздохнула и решила, что тратить голос на то, чтобы убедить осла, она не собирается.

— А шеф-то что сказал про статью? — ожидая, когда загрузится двадцатилетний компьютер, спросила Наталья.

— Ничего, — все мышцы на лице Фёдора были напряжены, выдавая накопившиеся к его годам морщины, — ждёт к обеду.

— Батюшки, — Наталья Борисовна всплеснула руками, и в её голосе снова появилась хрипотца, — это ж через час уже. Как же ты без руки?

— Успею как-нибудь, — шея Фёдора вытянулась вперёд, — потороплюсь.

— Ох, Фёдор.

По-матерински Наталье Борисовне очень хотелось защитить этого недотёпу.

— Смотри, Фёдор, — строго сказала она, — когда в следующий раз кто придёт просить у тебя в долг, если сам не

откажешь, то я поставлю их на место. Понял?

— Понял, — кивнул Фёдор.

— В глаза мне посмотри и скажи, что понял! — гаркнула Наталья Борисовна.

— Понял, — Фёдор выпрямился и посмотрел на Наталью Борисовну.

— Себя ценить надо, Федь, — Наталья Борисовна трясла головой, — а не разрывать по кускам для этих шакалов.

— Ага, — кивнул Фёдор и вернулся к статье, — Натальюшка Борисовна, не отвлекай, Бога ради.

Наталья Борисовна с пониманием покачала головой и принялась изучать архивы города в поисках чего-нибудь ещё интереснее, чем статья Фёдора про пьяного писаку.

Фёдор же сжал зубы посильнее и продолжил писать.

— Готово, Федь?

Шеф влетел в каморку и врезался в угол стола.

— Ну твою ж дивизию, — приземистый мужичок с гладкой головой и жидкими усами начал потирать бок, — ну сколько ж раз вам говорено переставить столы.

— Да было бы куда, Натан Иванович, — Наталья Борисовна начала говорить тоненьким голоском и заигрывающе хлопать ресницами, — я ж вам говорила, что только если Федьке стол поменьше, то так поместимся. Больше никак.

— А документы куда? — голова Фёдора высунулась из-за компьютера.

— Документы и на полу можно, Федь, — возразила Ната-

ля Борисовна.

Федя бросил поникший взгляд на кипу бумаг, принесённых ему со всех департаментов.

— Подумаю, — торопливо ответил Натан Иванович, — Федь, статья где?

— Пять минуток, Натан Иванович.

Фёдор покраснел.

Ещё никогда он так не подводил Натана Ивановича.

— Мне Антон руку не вернул, — Фёдору с самого детства было сложно оправдываться, — а я ж правша. Левой печатать не очень сподручно.

Натан Иванович свёл брови и стал похож на поросёнка.

— Ладно, — сквозь зубы сказал шеф, — завтра допишешь.

— Можно? — на радостях Фёдор вскочил со стула, чуть не опрокинув стол.

— Сегодня всё равно не получится, — сказал Натан Иванович, — во-первых, мы в этот выпуск статью про мэра пусти́м.

— А что мэр? — вмешалась Наталья Борисовна.

— Коней купил для города, — с гордостью сказал Натан Иванович, — породистых. И даже свою собственную конюшню под их содержание предоставил.

— А кони городу зачем? — удивился Фёдор.

Натан Иванович и Наталья Борисовна неодобрительно, но синхронно посмотрели на Фёдора.

— На праздниках показывать, — лениво ответил Натан Иванович, — ничего ж ты не понимаешь, Федь. Сколько в газете работаешь, а два плюс два связать не можешь.

Фёдор кивнул, но так и не понял, для чего городу породистые кони.

— Ладно, — Натан Иванович наклонился к Фёдору и посмотрел прямо в лицо, — дай глаза, Фёдор. Мне к мэру на пресс-конференцию, а у меня зрение минус три.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.